
СЕМЬЯ. ТАЙНА. НАСЛЕДИЕ.
ПРАВДА СТОИТ ДОРОЖЕ КРОВИ.
СОЛЬ
КНИГА 1
SANTORO
Azienda Agricola
dal 1923

18+

Миккеле Риччи

Соль

«Автор»
2026

Риччи М.

Соль / М. Риччи — «Автор», 2026

Она приехала восстановить фрески. Она осталась, чтобы раскрыть убийство.Двадцать один год, диплом реставратора, контракт в старинном поместье на склоне Везувия. Три месяца работы. Ничего личного. Она ошибалась.Поместье Санторо встречает её тишиной, которая слишком плотная, чтобы быть просто тишиной. Джулия не задаёт вопросов. Она наблюдает. Перевёрнутый портрет женщины по имени Кьяра. Запертая комната на втором этаже. Письмо, спрятанное за фреской XVI века — письмо, адресованное Маттео, написанное рукой женщины, которая исчезла три года назад.«Если ты читаешь это, значит, я не успела. Не верь никому. Даже тем, кого любишь».«Соль» — история о том, как любопытство становится ловушкой. О семье, где любовь всегда была условием, торгом или оружием. И о доме, который помнит больше, чем люди.Джулия остаётся. Она ещё не знает, что этот выбор уже сделан за неё.«Ты должна была уехать. Теперь ты — часть семьи. Пока не докажешь обратное».

© Риччи М., 2026
© Автор, 2026

Миккеле Риччи
Соль

Глава 1. Приезд

Дорога в поместье Санторо была вымощена камнем, которому, судя по выбоинам, было больше лет, чем всему Милану. Автобус, который вёз Джулию от вокзала Неаполя, высадил её у поворота — водитель махнул рукой в сторону кипарисовой аллеи и сказал: «Там. Полчаса пешком. Может, больше». Он не предложил подвезти. Джулия не попросила.

Она шла с рюкзаком за плечами и чемоданом на колёсах, которые скрежетали по камням. Чемодан был старый, купленный на распродаже в Милане. Рюкзак — ещё старше, с университетским логотипом. Джулия не любила тратить деньги на вещи. Она любила тратить деньги на книги и материалы для работы. Это было практично.

Она была невысокой — метр шестьдесят пять, не больше, — и худой до угловатости. Не потому что следила за фигурой, а потому что забывала есть, когда работала. Её тёмные волосы, стянутые в низкий хвост, выбивались из резинки и липли к шее. Она не носила макияж. Не потому что не умела, а потому что считала это пустой тратой времени. Её лицо было правильным, но неброским: серые глаза, которые замечали всё — трещину в штукатурке, пятно на скатерти, напряжение в плечах собеседника; прямой нос; губы, которые редко улыбались. На её руках — следы от красок и растворителей, которые не смывались полностью. На шее — тонкая серебряная цепочка с маленьким кулоном в форме ключа. Это единственное, что осталось от отца. Она никогда не снимала её. Даже в душе. Даже когда спала.

Кипарисы стояли ровно, как солдаты на параде. Ветер пах солью и чем-то ещё — сладковатым, гниющим. Виноград. Где-то далеко, за холмами, был Везувий. Джулия видела его с автобуса — тёмный силуэт на фоне бледного неба. Она подумала: «Красиво. И опасно. Как всё в этой стране».

Она не хотела ехать в Неаполь. Она хотела остаться в Милане, работать в архиве, заканчивать диссертацию. Но контракт был хороший: три месяца, оплата выше средней, материал для портфолио. Университет предложил её кандидатуру. «Фонд Санторо». Она погуглила: старинное поместье, винодельня, закрытый семейный архив. Ничего скандального. Ничего подозрительного.

Она не знала, что искала. Она не знала, что найдёт.

Ворота появились неожиданно. Джулия представляла себе что-то из туристического проспекта — кованое железо, каменные львы, табличка с именем. Вместо этого — две высокие стены из серого камня, увитые плющом, и металлические створки, которые выглядели так, будто их не открывали с прошлого века. На одной из створок — ржавая табличка: «Villa Santoro. Privato». Джулия нажала на кнопку домофона. Тишина. Она нажала ещё раз. Тишина. Она уже достала телефон, чтобы позвонить по номеру из контракта, когда створки дрогнули и медленно поползли в стороны. Никто не спросил, кто она. Никто не сказал «добро пожаловать».

Аллея была длинной. По обе стороны — виноградники, которые выглядели уставшими: лозы не подрезаны, листья пожелтели раньше времени. Джулия отметила это машинально — «им нужен уход». Она всегда замечала детали. Это был её способ не думать о том, что её пугало. Если она считала трещины в стене, она не думала о том, что идёт в дом, где её никто не ждёт.

Поместье выросло из-за поворота внезапно. Оно было красивым — той красотой, которая не старается понравиться. Три этажа, выцветшая охра, окна с тяжёлыми ставнями. На фронтоне — герб: лев с виноградной лозой в зубах. У входа — статуя Мадонны. У Мадонны не было рук. Джулия подумала: «Кто-то отбил. Или время. Или и то, и другое».

На ступенях стояла женщина. Ей было около пятидесяти пяти, но она выглядела так, будто время её боялось. Виттория Санторо была высокой — метр семьдесят, не меньше, — и прямой, как кипарис. Её тёмные волосы, тронутые сединой у висков, были стянуты в тугой узел на затылке. Ни одна прядь не выбивалась. Она носила чёрное платье с длинным рукавом, несмотря на жару, и чёрные туфли на низком каблуке. На левой руке — кольцо с рубином, которое выглядело старым, как само поместье. Её лицо было красивым той красотой, которая не смягчается с возрастом, а становится острее: высокие скулы, тонкий нос, губы, сжатые в линию. Глаза — цвета стали. Когда она смотрела на человека, ей казалось, что она видит его насквозь. Она не улыбалась. Не хмурилась. Просто смотрела. В руках — папка с документами. Она не протянула руку.

— Джулия Ферранте? — голос низкий, ровный. Не вопрос. Утверждение.

— Да. Здравствуйте. Я…

— Виттория Санторо. — Она не представилась как «бабушка» или «хозяйка». Просто имя. — Документы.

Джулия достала паспорт, контракт, письмо из университета. Виттория взяла их, не глядя на неё, и начала листать. Её глаза двигались быстро, как сканер. Она остановилась на фотографии, потом посмотрела на Джулию — впервые прямо.

— Вы моложе, чем я думала.

— Мне двадцать один.

— Я видела. — Виттория вернула документы. — Контракт подписан. Комната на втором этаже, западное крыло. Часовня — за домом, вниз по тропе. Работать будете с восьми до шести. Обед — на кухне, в час. Ужин — в семь, в столовой. Не опаздывать.

— Спасибо. А где…

— Не заходите в восточное крыло. Оно закрыто на ремонт. — Пауза. — И не разговаривайте с моим внуком. Он… сложный.

Джулия кивнула. Она привыкла к правилам. В чужих домах всегда были правила. «Не трогай это. Не смотри туда. Не задавай вопросов». Она научилась не задавать вопросов ещё в детстве, когда мать мыла полы в чужих квартирах, а она сидела в углу с книжкой и делала вид, что её нет.

— Можно вопрос? — сказала она.

Виттория посмотрела на неё. Взгляд был как рентген.

— Вы уже задали его.

— Это не про дом. Это про работу. — Джулия выдержала взгляд. — В контракте указано, что фонд оплачивает проживание и материалы. Но не указано, кто именно нанял меня. Я пыталась выяснить в университете — мне не ответили. Кто подписал контракт?

Пауза была длинной. Слишком длинной. Виттория смотрела на неё, и в её глазах что-то мелькнуло — не страх, что-то старше страха. Что-то, что знало больше, чем говорило.

— Я подписала, — сказала она наконец. — Фонд — моё личное дело. Я не люблю, когда о моих делах знают посторонние.

— Почему вы выбрали меня? У меня нет опыта с фресками такого возраста.

— У вас есть рекомендация от профессора Мартинелли. Он мой старый друг. — Виттория помолчала. — И вы не задаёте лишних вопросов. По крайней мере, пока.

Она повернулась и пошла в дом. Джулия последовала за ней. В холле пахло воском и старым деревом. На стенах — портреты. Мужчины с усами, женщины в тёмных платьях. Все смотрели сурово. Все были Санторо. Джулия считала их машинально: один, два, три, четыре… На пятом она остановилась.

Портрет висел криво. Точнее, рама была перевёрнута. Джулия видела такое в старых домах — так делали, когда хотели «спрятать» человека, но не могли выбросить портрет. Она замедлила шаг. Под рамой была табличка: «Кьяра Санторо, 1968–2019».

Джулия не знала, кто такая Кьяра Санторо. Но она знала, что 2019 год — это три года назад. И что если человек умер, его портрет не переворачивают. Его портрет вешают прямо.

— Не отставайте, — сказала Виттория, не оборачиваясь.

Джулия ускорила шаг. Она не стала спрашивать. Она просто запомнила.

Комната была маленькой, но чистой. Кровать, стол, шкаф, окно с видом на виноградники. На столе — ваза с сухими цветами. Джулия поставила рюкзак на пол, чемодан — в угол. Она посмотрела в окно. Внизу, за домом, была тропа, которая вела к часовне. Часовня была старой, с треснувшим куполом и забитыми окнами. Джулия подумала: «Завтра. Завтра я начну работать. И всё будет нормально».

Она не верила в это. Но она привыкла говорить себе такие вещи.

Ужин был в семь. Столовая была большой, с длинным столом, который мог вместить двадцать человек. За столом сидели трое: Виттория во главе, Лоренцо — старший брат, как она поняла из представления, — и Маттео.

Лоренцо встал, когда она вошла. Ему было двадцать семь, но он выглядел старше: морщины вокруг глаз, седые волосы на висках, которые он не красил. Он был высоким — метр восемьдесят, — но не таким высоким, как его брат. Светло-каштановые волосы, аккуратно подстриженные. Серо-голубые глаза, которые смотрели прямо и спокойно. Он был одет «правильно»: рубашка, брюки, туфли. На левой руке — обручальное кольцо. Он улыбнулся. Улыбка была вежливой, но не тёплой — как у человека, который научился улыбаться, потому что так надо.

— Джулия. Я Лоренцо. — Он говорил мягко, вежливо. — Надеюсь, комната вам подходит.

— Спасибо. Всё хорошо.

— Садитесь. — Виттория указала на стул напротив Маттео. — Ешьте.

Маттео не смотрел на неё. Он смотрел в тарелку и что-то чертил вилкой по скатерти. Ему было двадцать четыре, но он выглядел так, будто не спал неделю. Высокий — метр восемьдесят восемь, — с тёмными волосами, которые он забывал стричь, и глазами цвета тёмного вина. У него был шрам на левой брови — «упал с велосипеда в семь лет», но Джулия почему-то не поверила в это. Он носил чёрную футболку и старые джинсы. На его руках — следы от ожогов и порезов. Он курил — запах табака въелся в его куртку, которая висела на спинке стула. Его лицо было резким, красивым той красотой, которая пугает: тёмные круги под глазами, сжатые губы, напряжённая челюсть. Он не улыбнулся. Не поздоровался. Просто сидел и чертил.

Суп был вкусным. Джулия не ожидала. Она ела молча. Лоренцо задавал вопросы о работе, о Милане, о том, как она добралась. Она отвечала коротко. Маттео не сказал ни слова. Он доел суп, встал и вышел.

— Простите, — сказал Лоренцо. — Он не очень… общительный.

— Я заметила.

Виттория посмотрела на неё. Взгляд был острым.

— Вы будете работать в часовне. Там есть фрески. XVI век. Повреждены землетрясением. Вы сможете их восстановить?

— Я изучу их завтра. Но, судя по фотографиям, которые мне прислали, повреждения серьёзные. Может потребоваться больше времени, чем указано в контракте.

— Время есть. — Виттория встала. — Главное — не трогайте то, что не просили.

Она вышла. Лоренцо проводил её взглядом, потом повернулся к Джулии.

— Она не всегда такая. — Он помолчал. — Нет, вру. Всегда.

Джулия почти улыбнулась. Почти.

Ночью она не могла уснуть. Она лежала в кровати, смотрела в потолок и слушала дом. Дом скрипел. Он дышал. Он жил своей жизнью, и Джулия чувствовала себя чужой.

Она встала, надела куртку и вышла в коридор. Она не знала, куда идёт. Она просто хотела увидеть часовню. Убедиться, что работа реальна, что она не в фильме ужасов, что завтра всё будет нормально.

Тропа была освещена луной. Часовня стояла в конце тропы, маленькая и тёмная. Джулия толкнула дверь. Она открылась.

Внутри пахло пылью и сыростью. Фрески были на стенах — тусклые, повреждённые, но всё ещё прекрасные. Джулия подняла телефон, включила фонарик. Она увидела лица апостолов. У одного из них было соскоблено лицо. Не стёрто временем. Соскоблено чем-то острым.

Она сделала шаг ближе. Под слоем штукатурки, у основания фрески, что-то белело. Бумага. Сложенная вчетверо.

Джулия не должна была это трогать. Она знала, что не должна. Но её рука уже тянулась к бумаге.

Она развернула лист. Почерк был женским, размашистым, с наклоном вправо. Чернила выцвели, но читались.

«Маттео, если ты читаешь это, значит, я не успела…»

Джулия услышала шаги за спиной.

Она обернулась. В дверях стоял Маттео. Он не выглядел сонным. Он выглядел так, будто не спал неделю. Его глаза были красными — не от слёз, от бессонницы. Он смотрел на бумагу в её руке. Его руки дрожали.

— Что это? — спросил он. Голос был хриплым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.